

© Недзвецкий В.А., 2012

СЛОВО О И.А. ГОНЧАРОВЕ

Аннотация. В статье дана общая характеристика дарования и основных достижений Гончарова-художника. Показано, что автор знаменитой романной «трилогии» не просто «блестящий бытописатель», а выдающийся мастер художественного обобщения, преобразовывавший свои, изначально «местные» и «частные» лица (обстоятельства) в образы онтологического и тем самым непреходящего смысла и значения. Указаны ресурсы (фольклорные, архетипические, мифологические), к которым обращался И. Гончаров при создании, в частности, центральных персонажей «Обломова». Должное внимание уделено таланту Гончарова как одного из замечательных философов любви (семьи) и ее места в общественных отношениях человека. Вкратце охарактеризована жанровая уникальность среди литературных путешествий гончаровского «Фрегата “Паллада”».

Ключевые слова: выдающийся мастер художественного обобщения, быт и бытие, онтологические ресурсы романов, аналитик и философ любви, каритативное начало любви, поиск гармонической «нормы» социального и международного общежития.

© V. Niedzwietski, 2012

ABOUT I.A. GONCHAROV

Abstract. The article provides a general description of Goncharov's gift and his main achievements as an artist. It is shown that the author of the famous novel- "trilogy" is not just "a brilliant chronicler," and a master of artistic generalization, converting originally "local" and "private" characters (circumstances) into the images of the ontological and thus enduring meaning and significance. The author singled out the resources (folklore, archetypal and mythological), which were used by I. Goncharov in his creative work, particularly while creating the central characters of "Oblovov". Due attention is paid to Goncharov's talent as one of the great philosophers of love (family) and its place in the public relations. The article gives some brief characteristics of a unique genre of Goncharov's literary travel "Frigate" "Pallada".

Key words: an outstanding master of artistic generalization, life and being, ontological resources of novels, analyst and philosopher of love, charitable beginning of love, the search for harmonic "norm" of social and international community.

Иван Александрович Гончаров принадлежит к тем загадочным писателям-классикам, подлинные заслуги которых перед отечественной и мировой литературой признавались и признавались не в одночасье, а лишь с прошествием немалого времени...

В этом нет вины читателей его знаменитой романной «трилогии», очерков, а также уникального литературного путешествия под названием «Фрегат “Паллада”», с их эпической широтой, глубоким психологизмом, сочетанием сочной живописной изобразительности с подспудной музыкой и комическим одушевлением, а также льющимся, «как мастерский изустный рассказ» (В.Г. Белинский), чистым и выразительным русским языком.

Все это гончаровских читателей покорило сразу и навсегда. Вот два свидетельства тому. В самом начале марта 1847 г. в свет выходит третий номер «Современника» с литературным дебютом Гончарова – его «Обыкновенной историей». И уже через две недели В. Белинский сообщает В.П. Боткину: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор – успех неслыханный. Все мнения слились в ее пользу» [3, с. 352]. А вот сообщение Александра Дружинина о восприятии россиянами романа «Обломов» (1859): Он «победоносно захватил собою все страсти, все внимание, все помыслы читателей. В каких-то пароксизмах наслаждения все грамотные люди прочли “Обломова”. <...> Без всякого преувеличения можно сказать, что в настоящую минуту во всей России нет ни одного малейшего <...> заштатнейшего городка, где бы не читали “Обломова”, не хвалили “Обломова”, не спорили об “Обломове”» [6, с. 111].

Пройдет еще десять лет, и сам романист таким фактом пояснит огромное впечатление от его «Обрыва»: в Петербурге за очередными книжками «Вестника Европы», в котором по частям печатался этот роман, люди приходили в журнальную редакцию с таким же нетерпением и регулярностью, как они ходят «в булочную».

В замедленном признании истинной художественной мощи гончаровского творчества повинна уже та ожесточенная идейно-политическая борьба в России 1860-х гг., через призму которой в немалой мере воспринимались романы и Тургенева, и Достоевского, и Л. Толстого, но более всего такие шедевры Гончарова, как «Обломов» и «Обрыв».

«Капитальнейшая вещь», при этом значения не злободневного, а «невременного» (непреходящего) – так, прочитав «Обломова», квалифицируют его Лев Толстой и Иван Тургенев. И это совершенно справедливо, ибо роман этот сразу же пополнил собою *основной капитал* литературной русской классики, созданной А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и Н.В. Гоголем.

Между тем несколько поколений и дооктябрьских, и в особенности советских исследователей «Обломова» судили о нем не в духе Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, а по статье Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?». Но «мужицкий демократ» и революционер Добролюбов вовсе не стремился рассмотреть и оценить эту гончаровскую «вещь» в ее эстетической целостности и художественной ценности. Он лишь воспользовался текстом романа (и отдадим ему должное: *для своей цели* очень умело) для дискредитации своих *реальных* политических противников – дворянских либералов. Они обвинялись им в гражданской никчемности и бесполезности для радикального преобразования наличного общественного строя России на том основании, что в качестве бар-помещиков, живущих трудом не собственным, а своих крепостных крестьян, они и лично заинтересованы в сохранении этого строя.

Досталось от Добролюбова и заглавному герою «Обломова». Критик счел «большой неправдой» тот гончаровский пассаж об Илье Ильиче, в котором он назван «хрустальной, прозрачной душой», человеком с «честным, верным сердцем», «перлом в толпе».

Однако именно эти качества Обломова акцентирует в нем, оспаривая Добролюбова, в своей статье 1920-х гг. один из талантливых представителей первой русской эмиграции Николай Осипов. И дополняет их глубоким уважением Ильи Ильича к семейному началу и радостям «семейного быта», материнству и отцовству, душевной дружбе, половой любви, а также общению человека с природой, его потребности «углубления в себя». Наконец, – и не чуждым Обломову «касанием к мирам иным», к абсолютным ценностям – «божественной тишины» и любви [8, с. 182-183]. Все это Осипов, в противовес концепту «обломовщина», получившему в русском языке, подобно словам «военщина», «деревенщина» оттенок негативный, наименоует положительным понятием «обломовство», справедливо отмечая, что Добролюбов был «совершенно слеп» [8, с. 182-183] к нему.

А вот заголовки наиболее громких критических статей, сопровождавших выход в свет «Обрыва». Самый трудоемкий и любимейший роман Гончарова, явившийся, по его признанию, художественным средоточием всех его «идей, понятий и чувств добра, чести, честности, нравственности, веры», словом, «всего, что <...> должно составлять нравственную природу человека» [4, с. 12] и от начала до конца одухотворенный «апофеозом женщин, потом родины России, наконец, Божества и любви» [5, с. 338], был Николаем Шелгуновым именован «**Талантливой бесталанностью**», М.Е. Салтыковым-Щедриным – «**Уличной философией**», а Марией Цебриковой – произведением с «**псевдо новой героиней**». Не жаловали «Обрыв» и советские его исследователи, усматривая в нем то мнимое «идейное поправление» писателя, то даже плод якобы оскудевшего к старости таланта. И это говорилось о романе, равновеликом «Войне и миру» Толстого и «Братьям Карамазовым» Достоевского, и по убеждению немецкого слависта Вальтера Рема ставшего непревзойденной **вершиной** едва ли не всей мировой литературы XIX в. [10, с. 23].

Многолетняя заниженность творческих заслуг Гончарова поддерживалась и устойчивым, но совершенно неверным определением самой природы его художественного дарования. Имею в виду трактовку автора «Обломова» как всего лишь «несравненного мастера жанра», «художника фламандской школы» [1, с. 129-130]. Восходящая еще к В.П. Боткину и С.А. Венгеру, она в XX в. особенно усердно пропагандировалась Ю. Айхенвальдом в его «Силуэтах русских писателей» (СПб, 1904; Берлин, 1923). Жанристом по преимуществу, т. е. живописцем быта, устоявшихся нравов, всевозможных жилищ с их интерьерами, а также людей «с несложным психическим миром» Гончаров, утверждал Ю. Айхенвальд, оставался и в своих романах, и в картине трехлетнего путешествия по океанам и суше (т. е. во «Фрегате “Паллада”»). «...Он, – заявлял критик, – объехал вокруг света, но *синтез света* не получился в его наблюдательной душе...» [1, с. 132].

Сам Гончаров решительно протестовал против этого взгляда на его творчество. «Иные, – с недоумением и горечью писал он в автократической статье “Лучше поздно, чем никогда” (1879), – не находили или не хотели находить в моих образах и картинах ничего, кроме более или менее живо нарисованных портретов, пейзажей, может быть, живых копий с нравов – и только. За что же тут хвалить? <...> Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками и, полюбив образы, свяжет их в одно целое и увидит, что именно говорит это целое? Но этого не было» (VIII, 102).

На деле Гончаров, вопреки Ю. Айхенвальду и его единомышленникам, – художник как раз с редкостной даже среди русских классиков синтезирующей и обобщающей способностью, что было подмечено еще философом Владимиром Соловьевым, считавшим, что в этом отношении творцу «Обломова» среди русских писателей XIX столетия вообще нет равных.

Да, Гончаров с неподражаемой **рельефностью** рисует русский быт, провинциальный и столичный. Скажем больше – самое действие его романов, за исключением психологически насыщенных «поэм» и «драм» любви, обыкновенно не выходит за бытовые пределы. Герои Гончарова не стреляются, как Онегин, Печорин и даже гордый тургеневский «плебей» Базаров, на дуэли, не участвуют, как князь Андрей Болконский, в исторических сражениях и в написании российских законов, не совершают, как центральные герои Достоевского, преступлений-переступаний через божескую мораль (принцип «Не убий»), не готовят, как «новые люди» Н. Чернышевского, крестьянскую революцию. Все, что они делают, укладывается в рамки, по словам писателя, «простых, несложных событий», т. е. быта.

Но это лишь внешняя грань создаваемых Гончаровым фигур, сюжетов и конфликтов, так как гончаровский быт в конечном счете всегда буквально пропитан **бытием** в значении уже «коренных» и вечных, общерусских и всечеловеческих характеров, «образов

жизни», оппозиций и коллизий, устремлений и идеалов. И **онтологическое углубление бытия** Гончаров осуществляет всюду, независимо от того, изображает ли он патриархально-идиллическую усадьбу Грачи (или Обломовку), повседневные сцены провинциального города (в «Обрыве») или такие материальные и природные реалии, как *дом, роща, река, озеро, гора, переправа и мост, парк, часовня* на возвышенности или *беседка под крутым обрывом, различные цветы, даже кофейная мельница* Агафьи Пшеницыной или *чашка*, разбитая неловким Захаром на другое утро после окончательного расставания Обломова с Ольгой Ильинской.

А это значит, что верно понять *итоговый* масштаб гончаровских персонажей и олицетворяемых ими способов жить можно только с учетом тех **архетипов-прообразов**, которые писатель силой своей «творящей фантазии» (В. Белинский) и многолетнего труда должен был сначала отыскать (вспомним, что «Обломов» создавался около десяти, а «Обрыв» – почти двадцать лет), чтобы затем ненавязчиво, но убедительно для читателя **совместить** со своими героями в своем *начальном* виде, действительно, всего лишь бытовыми или, по определению Гончарова, «местными» и «частными».

Для решения этой сложнейшей художественной задачи Гончаров обращается сразу к нескольким ресурсам, особенно заметным в романе «Обломов», на который я поэтому и буду в основном ссылаться.

Это, во-первых, отечественный фольклор. Из русских сказок и былин Гончаров черпает такие общеплеменные параллели к своему Илье Ильичу, как *комический* Емеля-дурак (Иванушка-дурачок) и *героические* Еруслан Лазаревич и Илья Муромец.

«Вглядитесь попристальнее в Обломова, – писал критик Н.Д. Ахшарумов, – и вы увидите, что он недалеко ушел от Емели-дурачка. <...> И точно, что нужно Емеле <...> для полного счастья? Меду и молока вволю, красную шапку да красные сапоги, возможность совершать все отправления жизни, не *слезая* с теплой печи, да сверх того красивую бабу. Обломов больше развит, и потому идеал его сложнее; но если внимательно сверить его с идеалом Емели, то едва ли окажется какое-нибудь различие» [2, с. 147].

«Он, сказано в романе об Илье Ильиче, любил вообразить себя... непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значат...» (IV, 68). Сказочный образ Еруслана впитал в себя черты и другого русского богатыря – Ильи Муромца, что «сиднем сидел цело тридцать лет», не владея ни руками, ни ногами, но, враз исцелившись, стал богатырствовать во славу земли русской. Перспектива если не геройств, то устройства **«нормальной жизни»**, вопреки ее разным искажениям в Петербурге, открылась с любовью к Ольге Ильинской и для Ильи Обломова, в начале романа тоже бездействующего в возрасте 32–33 лет от роду.

Следующий обобщающий ресурс для фигуры Обломова Гончаров находит в архетипах литературных, русских, как ассоциативно связанный с Ильей Ильичом, пришедшим в ужас от слов Захара, что «свадьба – обыкновенное дело», гоголевский Подколесин («Женитьба»), или западноевропейских, как шекспировский Гамлет и сервантесовский Дон Кихот (в «Обрыве» – и Дон Жуан, мольеровский Тартюф, библейские змей-искуситель и разбойник Варрава). Если с Гамлетом Обломова роднит мучительная для него дилемма «теперь или никогда!», «идти вперед или остаться» в прежнем неподвижно-апатическом состоянии, то с благородным идальго Сервантеса – общее обоим начало «в высшей степени идеалиста», «ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой натуры» (VIII, 318).

Новые, но в свой черед **генерализующие** его фигуру свойства Обломову придают переключки и параллели с прообразами легендарно-историческими, типа вавилонского царя Балтазара (Валтасара) (как страшные для Валтасара огненные слова «*мне – такел*

– *фарес*», снится Илье Ильичу во второй части романа слово *обломовщина*) и иудейского полководца Иисуса Навина (он однажды задержал ради полной победы своего народа над его врагами естественный ход солнца; Обломов станет постоянным жизненным солнцем для полюбившей его Агафьи Пшеницыной).

Очередным источником переключек Ильи Ильича с древними архетипами становятся в «Обломове» такие прообразы языческой античности, как древнегреческие философы *Диоген Синопский* и *Платон*. С первым Илье Ильич сходен и пребыванием целыми днями в зашторенной квартире на Гороховой улице, напоминающей своим замкнутым пространством Диогену *бочку*, и проповедью «осознанного возвращения к естественной природе», и предпочтением *покоя движению*. Обломовский пафос жизни как *созерцательного покоя* переключается и с платоновским идеалом (он обрисован в диалоге Платона «Теэтет») «истинного философа» как человека, сознательно чуждого всему практическому и деловому, достойному, считал этот философ, лишь вниманию и заботам рабов.

Есть в образе Обломова и черты, единящие его и с ветхозаветным пророком *Илией* и даже с *Иисусом Христом*. Илия обличал нечестиво живущих израильских царей Ахав, Охозию и их приспешников и, подобно другим иудейским пророкам, не раз бывал вынужден, «**чтобы спасти свою жизнь**», бежать в отдаленные пустыни. В начале романа Илье Ильич, отвергающий суетное существование своих петербургских визитеров («Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» – IV, 176), также выступает перед ними в роли своеобразного обличителя и пророка. Но, вслед за своим святым покровителем, не находит с их стороны понимания, оправдывая горькую библейскую истину «нет пророка в отечестве своем», и в конце концов уединяется на малолюдной окраине Петербурга. Где его, как сидонская вдова пророка Илию, будет опекать вдова Выборгской стороны Агафья Пшеницына.

Словами «Не обольстит его никакая нарядная ложь <...> – никогда Обломов **не поклонится идолу лжи**» (IV, 473) из итоговой гончаровской характеристики Ильи Ильича (она дана устами Штольца при полном согласии с нею Ольги Ильинской) в роман вводится довольно прозрачная аллюзия Ильи Ильича на Богочеловека, так ответившего Дьяволу, сулившему Ему все царства мира и всю славу их только за один **поклон** ему: «... Отойди от Меня, сатана; ибо написано: “Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи”» (Мф. 4, 10).

Названные сопряжения-переключки (по Л. Толстому – «сцепления») Ильи Ильича с его архетипичными подобиями не исчерпывают его образа. Но и их вполне достаточно, чтобы Обломов, оставаясь типом русского человека своего времени, вместе с тем стал интересным и близким и каждому из нас сегодня, и людям других наций и эпох. Чтобы и они находили нечто обломовское в себе и свое в Обломове.

И ныне это происходит все чаще и чаще. Ибо, как еще в 1932 г. отмечал британец Эрнст Рис, «тайные следы Обломова существуют в каждом человеке, где бы он ни находился» [11, Н. 6]. «Мы, – спустя тридцать лет вторил ему американец Фелиск Рив, – рассматриваем Обломова как символ <...> некоторых наших желаний и части нашего общего, реального состояния» [9, с. 38]. Называя Обломова (как ранее Владимир Соловьев) «самым монументальным героем», талантливый американский славист Виктор Приттчет продолжал: он живет и в «английской душе», о чем свидетельствует «пристрастие к Обломову американской молодежи. Студенты ему завидуют (он так независим, ему “наплевать” на всю житейскую суету сует), студентки в него влюбляются (он прелесть!)» [Цит. по: 7, с. 393].

Смысл фигур в той же мере общероссийских, как и всечеловеческих, благодаря ряду **мифологических и литературно-архетипных** параллелей и обертонов, получают

в «Обломове» и его положительные герои – Ольга Ильинская и Андрей Штольц. У первой это сопоставления ее с древнегреческими грациями-харитами (от *греч.* «милость, доброта»), с шекспировской Корделией («Король Лир»), однажды – и с героиней Тициановой «Кающейся Магдалины», а также – по нравственному контрасту – с жестокими героинями баллад Шиллера «**Кубок**» и «**Перчатка**», а по драматизму любви – с заглавной героиней оперы В. Беллини «**Норма**», наконец, – по каритативно-христианскому отношению к возлюбленному – с Дантовой Беатриче («Божественная комедия»). К античной греческой легенде о ваятеле Пигмалионе и созданной им скульптуре прекрасной девушки, на которой он женился, когда – в ответ на его мольбу – олимпийские боги ее под именем Галатеи оживили, восходят перипетии двух любовных сюжетов «Обломова»: «изыщная поэма любви» (Гончаров) Ольги и Ильи Ильича и – завершившаяся гармоническим браком любовь Штольца и Ольги. Только в романе Ольги с Обломовым его участники в сравнении с лицами античной легенды **поменялись местами**: в роли Пигмалиона выступила Ольга, долго, но в итоге все же безуспешно пытавшаяся душевно и духовно оживить Илью Ильича, страдающего жизнеобаянью и отвращением ко всякой практической деятельности.

И современные автору «Обломова», и **советские** его толкователи в целом не одобряли Андрея Штольца. Между тем верный и заботливый друг Ильи Ильича **задуман** романистом как *гармоническая личность*, призванная вместе с этим своим назначением в романе указать его читателям и *ненасильственный* путь к гуманизации всей российской жизни. В натуре Штольца, самое имя которого намекает на святого покровителя России Андрея Первозванного, органично слились жизнеспособные элементы разных национальных культур и ментальностей. От отца немца, управляющего дворянским имением, он унаследовал навыки упорного труда, чувство долга, умение полагаться на собственные силы; мать, русская дворянка с поэтической душой, передала ему свою духовность. Благотворную роль сыграли в формировании Андрея его яркие **эстетические** впечатления от портретной галереи в соседнем княжеском «замке», а также учеба в Московском и немецких университетах. В итоге, утверждает Гончаров, в личности Штольца была преодолена человеческая ограниченность как немецкого бюргерства (**западного человека** в целом), так и патриархального русского барства (**человека восточного**).

Ведь не знающий разлада между умом и сердцем, сознанием и волей, словом и делом, Штольц ищет в своей жизни (а в «крымской» главе романа и обретает) «равновесия (т. е. гармонии – В. Н.) практических сторон (человеческого бытия – В. Н.) с тонкими потребностями духа» (IV, 164).

При этом главнейшей из этих духовных потребностей Штольц считает гармоничные *любовь и семью*, ибо, неколебимо верит он, только стремление людей к ним гарантирует гуманные результаты уже и любой их практической (экономической, гражданской, политической и т. д.) деятельности.

Так понимал общественную миссию любви и сам автор романной «трилогии» на «**Об...**», один из выдающихся мировых психологов-аналитиков и философов этой первой и важнейшей человеческой связи-симпатии.

Здесь творец «Обломова» – прямой предшественник и Владимира Соловьева с его замечательным трактатом «**Смысл любви**» (1892), и таких его последователей, искавших гармоничную **норму** «отношений обоих полов между собою» (Гончаров), как В.В. Розанов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, П. Флоренский, Б. Вышеславцев, С. Франк и др.

У гончаровских героев то или иное понимание ими задачи любви выступает главным способом их авторской характеристики, а «претрудная школа» любви – основной **жизненной школой**. «Она, – писал об Ольге Ильинской уже помянутый нами Н.Д. Ахшарумов, – проходит с ним (Ильей Ильичом – В. Н.) целую школу любви <...> со всеми

малейшими фазами этого чувства: тревогами, недоразумениями, признаниями, сомнениями, объяснениями, письмами, ссорами, примирениями, поцелуями и т. д. Давно никто не писал у нас об этом предмете так отчетливо и не входил в такие микроскопические наблюдения над сердцем женщины <...>, и надо отдать автору полную справедливость, все это выточено до последней возможности» [2, с. 163].

И недаром, так как любовь у Гончарова в прямом и точном смысле – основополагающее начало бытия, при этом не только индивидуального, семейного и общественного, но и природно-космического. «Вы, – отвечал романист в середине 1860-х гг. самой близкой из своих корреспонденток, – правы, подозревая меня... в вере во всеобщую, всеобъемлющую любовь и в то, что только эта сила может двигать, управлять волею людской и направлять ее к деятельности и прочее. Может быть, я сознательно и бессознательно, а стремился к этому огню, которым греется вся природа...» (VIII, 314). Вот и друг Обломова Штольц «...выработал себе убеждение, что любовь с силою Архимедова рычага движет миром; что в ней лежит столько всеобщей, неопровержимой истины, сколько лжи и безобразия в ее непонимании и злоупотреблении» (VIII, 454).

Согласно христианству, *истиной* является сам **Богочеловек** и Его **благовест** («Иисус сказал ему: Я есмь и истина, и путь, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Ин. 14, 16). Гончаров был в равной мере и православным христианином, и наследником высоких светских ценностей европейской культуры. Начала, восходящие к обоим этим источникам, он соединил в своей *истине* любви как чувства с мощным каритативным началом (от *лат.* *caritas* – участие, сострадание, помощь, жалость). Именно с **участия** к хорошему, но слабому (или духовно заблудшему) человеку и желания вернуть его к полноценной жизни зарождаются сердечные чувства Ольги Ильинской к Обломову и Веры к Марку Волохову.

Это не означает, что героини и герои Гончарова чужды страстного физического влечения к своим возлюбленным (его испытает и Ольга Ильинская в 11-й главе второй части «Обломова», и Вера в «Обрыве») или их обожения, как, например, Агафья Пшеницына в ее отношении к Илье Ильичу.

В своей концепции Эроса Гончаров вообще синтезировал отдельные элементы и чувственного пафоса Соломоновой «Песни Песней», и идеального томления Платона по своей небесной половине, и убеждение Данте «любовь – та сила, что движет Солнце и другие светила», и романтическую трактовку любви как «космической силы, объединяющей в одно целое человека и природу, земное и небесное, конечное и бесконечное» (Л. Фришман). Однако акцент на каритативно-духовной доминанте любви позволяет Гончарову естественно ввести в ее границы и **этическое** начало *долга*. И тем самым устранить то противоречие между жаждой человеком личного счастья и его обязанностью служить людям (народу, нации, всему человечеству), которое оказывалось **неразрешимым** и поэтому **трагическим** для центральных героев И. Тургенева.

Как показал «Обрыв», на пути человека к *такой* любви его, однако, подстерегает целый ряд ее искажений или ошибок, наиболее полно изображенных писателем именно в этом романе, в итоге оказавшемся в русской и мировой литературе своеобразным «эпосом любви».

Начинает этот ряд любовь, подчиненная условно-кастовым понятиям петербургского света. Выросшая в его среде красавица Софья Беловодова постоянно сравнивается с **холодной** мраморной статуей. Тщетно пытается Борис Райский пробудить ее сердце, не больше успел в этом и итальянец графиня Милари. Нежной, преданной, но изначально жертвенной была любовь к Борису Райскому простой петербургской белошвейки Наташи, уже по этой причине обреченной на потерю взаимности, а с нею и самой жизни. Глубокой, пронесенной через всю жизнь, но не перешедшей в брак и поэтому **односто-**

ронней показана любовь Тита Никоновича Ватутина и «женщины доброго старого времени» Татьяны Марковны Бережковой. Для Марфеньки любить – значит **выйти замуж**, при этом с одобрения и благословения *Бабушки* (Татьяны Бережковой) Тани. Особый вид любви представлен увлечениями Бориса Райского. Человек по преимуществу не этический, а **эстетический**, Райский тем не менее ищет в возлюбленной **«сочетание красоты форм с красотой духа»**. Однако, во всем управляемый фантазией, он так же легко увлекается, как и охладевает к очередному «предмету» своего поклонения. Как крайние «злоупотребления чувства любви» изображены в «Обрыве» «почти слепая страсть» провинциального учителя Леонтия Козлова к его неверной супруге Ульяне и «дикая, животная, но упорная» страсть дворового мужика Савелия к его жене Марине, «этой крепостной Мессалине».

Названные виды любви характеризуют в «Обрыве» не одно современное общество, но и основные периоды европейской истории: древнейший языческий (он сигнализирован **вожделениями** Марины-Мессалины); дохристианскую греко-римскую цивилизацию (представлена холодно-мраморной Софьей Беловодовой и, напротив, грубо чувственной и не ведающей стыда Ульяной Козловой); рыцарское средневековье (оно оживает в **платоническом поклонении** «русского маркиза» Тита Ватутина **Прекрасной даме** – Татьяне Бережковой). «Мещанский» (так он от общеславянского слова *мисто* – город назван в «Обрыве») роман Марфеньки и чиновника Викентьева олицетворяет **бюргерский** любовно-семейный уклад; любовь «бедной Наташи» относительно недавнюю эпоху **сентиментализма**, а увлечения Райского – **романтизма**. Наконец, эротической позицией Марка Волохова в романе представлен и европейско-русский **позитивизм** 1860-х гг.

Так история отношений любви превращается у Гончарова в историю духовно-нравственной культуры человечества, а также в историю его нравственно-этического совершенствования или, напротив, деградации (которую мы, в частности, наблюдаем и в нынешнее время, когда слово **«секс»** чуть ли не вытеснило – по крайней мере, для сформированных нашим шоу-бизнесом молодых людей – великое понятие **«любовь»**).

Заканчивая это слово о выдающемся отечественном романисте, нельзя хотя бы парой тезисов не коснуться такого уникального в ряду европейских *литературных путешествий* произведения, как «Фрегат “Паллада”». Дело в том, что это вовсе не простое собрание путевых и нравоописательных очерков кругосветного путешествия, совершенного Гончаровым в 1852–1855 гг. сначала на военном корабле от Кронштадта до берегов Японии, а затем сухопутным путем от Тихоокеанского побережья России до Петербурга. В действительности перед нами четвертый гончаровский, к тому же своеобразнейший роман, именно – **«географический»** (термин М.М. Бахтина).

У него свой герой и свой сюжет. Это русский корабль с четырьмястами обитателей на борту, т. е. Россия в миниатюре, в преддверии великих реформ 1860-х гг. бороздящая мировой океан не ради некоего золотого руна (установления торговых и дипломатических отношений с Японией), а для **поиска** в открывшейся ей «картине мира» чаемого ею **гармонично-гуманного** «образа жизни» в его социально-внутренних и межнациональных (межконтинентальных) отношениях, а также в связях с природой и мирозданием. И – конкретно представленного такого же склада *личностями* и их *семействами*.

И люди, *близкие* к этому гончаровскому идеалу, на страницах «Фрегата “Паллада”» есть. Таков в южноафриканской Капской колонии мистер Бен, крупный геолог, палеонтолог и строитель дорог, в равной мере и страстный путешественник, охотник, и незаурядный певец, человек, одинаково развитый научно и творчески, физически и эстетически. Ему под стать в Сингапуре китайский купец Вампоа, обладатель не только большого финансового состояния, но и прекрасного дома и сада с огромным разнообразием флоры и фауны. Тот и другой, в показе Гончарова, – своего рода иноземные *реальные* Штольцы.

Кстати, о «Штольцах под русскими именами», которых Гончаров надеялся со временем *вживе* увидеть и в своем отечестве. Подобно «тургеневским женщинам», появившимся, по верному наблюдению Л. Толстого, среди русских людей лишь *после* повестей и романов Тургенева, они в свой черед – не без воздействия названного положительного героя «Обломова» – действительно сформировались в России последней трети XIX столетия. Не таковы ли, в самом деле, отечественные патриоты-предприниматели Павел Третьяков, Иван Сытин, Козьма Солдатенков, Савва Морозов и Савва Мамонтов?..

Не последовательным продвижением русского корабля от одной страны к другим, а *авторскими* переходами от тех или иных **односторонних** жизненных укладов к укладам более **целостно-цельным** и **творческим** определена и композиция «Фрегата "Паллада"», подчиненная алгоритму *тезис – антитезис – искомый синтез*. Вот писатель, обобщая множество бытовых примет Англии, характеризует господствующий в ней «образ жизни» как *меркантильно-деляческую суету* с неизбежной для нее бездушной рационализацией (механистичностью) жизненных отправлений и узкой специализацией людей. Этот способ существования сменяется прямо противоположным ему *сонно-неподвижным* житьем-бытьем на острове *Мадера*, этакой общеевропейской Обломовки. Затем эти полярные тезис и антитезис «снимаются» как будто позитивным жизненным синтезом, достигнутым на родине мистера Бена – в Южно-Африканской колонии. Но вскоре выясняется, что до подлинно гармоничного бытия ее жителям весьма далеко уже потому, что их благополучие и жизненный комфорт достигается ценой постоянного насилия над коренными африканцами.

Аналогично структурированы во «Фрегате...» «образы жизни» и трех главных стран противоположной Атлантике Тихоокеанской акватории: Японии, китайского Шанхая и Кореи. Как бы навсегда закостеневшая в повседневной и государственно-бюрократической рутине *сонно-ленивая* Япония рифмуется в этом своем жизненном качестве с атлантической Мадерой; а китайский Шанхай, где все и вся «вертится вокруг торговли», а человек превращен лишь в средство для ее капиталов – с Англией. Однобоким укладам первой и второго, на первый взгляд, позитивно противостоит Корея с ее рослым, физически сильным («атлеты») и в своей массе деятельным населением. Однако свойственная корейцам *нетерпимость и враждебность к иноземцам*, непосредственно наблюдаемая Гончаровым, не позволяет ему увидеть и в их существовании гармоничный жизненный синтез.

И все-таки писатель находит тот земной край, где он, такой синтез, по меньшей мере, эмбрионально уже дает знать о себе. Такова в изображении Гончарова *Сибирь* с жизнедеятельностью ее русских **землепроходцев, купцов и православных миссионеров**, совместно обустривающих ее огромные просторы, а коренным ее народам несущих вместе с хлебом насущным и хлеб духовный. И со своей стороны усваивающих добротные ценности местных культур (прежде всего языки коренных народов, в особенности якутский, наиболее распространенный в Восточной Сибири).

Обрисованная в сибирской части «Фрегата "Паллада"» гончаровская «норма» межэтнических и межнациональных отношений, на наш взгляд, остается актуальной и плодотворной и сегодня. Ведь главное ее условие – не абсолютизация чьего-то жизненного уклада (английского или южноафриканского, японского или корейского и т. д.) и тем более не подавление или ассимиляция якобы «низших» из них («нецивилизованных») «высшими» («цивилизованными»), а умение **интегрировать** ради благоденствия всего человечества культурные достижения **всех** племен и народов: деловых и созерцательных, рациональных и эмоциональных, цивилизованных и «естественных», северных и южных, западных и восточных.

Надо ли говорить о том, насколько этот гончаровский идеал межнациональной семьи гуманнее всего того, что человечество в этом плане придумало за минувшие с момента публикации «Фрегата "Паллада"» 150 лет?..

Еще недавно, задумываясь над тем, как на фоне величайших русских и западно-европейских писателей-классиков выглядит И.А. Гончаров, некоторые исследователи именовали его вместе с Д. Григоровичем, А. Писемским «художником **второго ряда**». Думаю, сейчас, в дни двухсотлетия писателя, очевидно – это глубочайшее заблуждение! В действительности один из великих творцов и новаторов мирового **социально-универсального** (или **экзистенциального**) романа, Иван Александрович Гончаров давно и по праву занимает подобающее ему место в ряду таких «**вечных спутников**» (Д. Мережковский) культурного человечества, как Данте, Сервантес, Шекспир, Гете, Байрон, Бальзак, Флобер, А. Пушкин, Н. Гоголь, Л. Толстой и Ф. Достоевский.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Айхенвальд Ю. И.* Гончаров // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья.
2. *Ахшарумов Н.Д.* Обломов. Роман И. Гончарова // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике.
3. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. X. – М., 1953-1959.
4. Гончаров И.А. – Стасюлевичу М.М. 9 / 21 июля 1868 г. // Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. – СПб., 1912. – Т. 4. – С. 12.
5. *Гончаров И.А.* Собр. соч. В 8 т. Т. VIII. – М., 1977-1980. – С. 338.
6. *Дружинин А.В.* «Обломов». Роман И.А. Гончарова // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. – Л., 1991. – С. 111.
7. *Иваск Ю.П.* О Гончарове // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. – С. 393.
8. *Осинов Н.Е.* Обломовщина и обломовство (Заметки психиатра) // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья (Заметки психиатра). – М.: Центр Книги Рудомино, 2012. – С. 182-183.
9. *Reev F.* Russian novel. – N. Y., 1966. – P. 38.
10. *Rehm W.* Gontcharov und Jacobsen oder Langeweile und Schwermut. – Göttingen, 1963. – S. 23.
11. Rhys Ernst/ Introduction to «Oblomov» by I.A. Goncharov. – L., 1932. – H. 6.